

Максим Ююкин

Воронеж, независимый исследователь

**ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ
ПО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ:
1) ХОРОШИЙ; 2) О СЛЕДАХ ИРАНСКОГО ВЛИЯНИЯ
В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ: ХОРС,
МОГОВЕЙ-ПТИЦА И ВОСТРОГОТ**

**Etymological Studies on East Slavic Vocabulary: 1) *Horošii*; 2) about the Traces
of the Iranian Influence on the Mythological Onomasticon:
*Xors, Mogovei-bird and Vostrogot***

ABSTRACT: In the first part of this article the author suggests a new etymology for the East Slavic adjective *horošii* ‘good’ (in Old Russian ‘beautiful’) – from IE **ker(ə)-* ‘burn, blaze’ extended by the determinative *-s-*: richly attested **kor-s-* > Proto Slavonic **xor-x-* (> **xoršьjь*) with the affective *x-*, like many other words. As proposed by many scholars, one of the variants of this root is present in Slavonic **krasa* ‘beauty’ that corresponds to the original meaning of the adjective *horošii*. The determinative *-s-* is commonly used for extending the root **ker(ə)-*. The second part deals with three proper names in the (Old) Russian mythology and folklore that come, in the author’s opinion, from Iranian languages. The analysis of the early Old Russian written sources (*The Ostromir’s Gospel* and chronicles) allows to approve that the original form of the theonym *Xors* was *Xorūsū* coming from the genitive form of the Iranian word for ‘sun’ in the truncated compound name (most likely, ‘son of the sun’ as a name of the deity of sunrise). The name of the tale bird *Mogovei/Magovei* corresponds to Avestan (Gath.) *magavan-*, adj. ‘belonging to the Zoroastrian community’, Old Indic *maghā-van(t)-* ‘generous; giver (also an epithet of Indra)’, Old Persian *magav-*, an adjective denoting a Median tribe whose representatives had got the rank of priests, ‘magic, magician’, Pāli *maghavā*, the name of Sakka. This name corresponds to another fairy bird name recorded on the same territory (in the basin of the Mezen, the region of Archangelsk) – *Vostrogot (Vostrogor)* that continues Young Avestan *a-srāvayaT.gāθā* ‘not chanting the Gathas’; i.e., these two mythonyms form an opposition based on the semantic feature ‘initiated – uninitiated (into the Zoroastrian doctrine and ritual)’.

KEYWORDS: *horošii*, Russian folklore, etymology, East Slavic languages, Iranian languages.

1. Прилагательное *хороший* впервые упоминается в древнерусском письменном памятнике XII в. в значении ‘красивый’: „покушати пера добро ль перо тверда ль рука добро ль юю писать хороше ль письма”, приписка к Уставу монастырского церковного служения; в памятниках XIV[-XV?] вв. (Житие Стефана Пермского (после 1396 г.), Пандекты Никона Черногорца (список Чудова монастыря)) оно встречается в значениях ‘красивый’ и ‘прибранный, убранный’, там же употребляются производные от него слова *хорошавьи* ‘щеголь’, *хорошаниѣ* ‘величанье’; совр. русск. *хороший*, укр. *хороший* ‘хороший, красивый’, сюда же диал. (полес.) *хорошит*, *хорошит* ‘лущить, чистить (кукурузу, фасоль и т. п.)’, *харашай*, *харашун* ‘коновал’, блр. *харошыць* ‘чистить’, *хорошитъ* ‘очищать овощи от листьев и корешков’, *хорошыты* ‘чистить (рыбу, морковь, молодую картошку)’¹. В других языках соответствия ему не отмечены.

Относительно происхождения прилагательного *хороший* выдвигалось много гипотез², из которых наибольшее распространение получили две. По мнению А. Мейе, *хороший* образовано от *хоробрь* с помощью уменьшительно-экспрессивного суффикса *-х*. Эту этимологию разделяет, в частности, М. Фасмер. Однако весьма основательной представляется ее критика П.Я. Черных, который обращает внимание на такие обстоятельства, как нехарактерность подобных образований для русского языка и семантическое несоответствие между *хороший* (особенно в его раннем значении) и *хоробрь*.

Многие исследователи (С.П. Обнорский, П.Я. Черных, И. Огиенко и др.) принимают объяснение Ф.И. Буслаева, видевшего в основе этого прилагательного древнерусский теоним *Хърсь*. Однако здесь налицо фонетическое несоответствие, так как последний не известен в полногласной форме (на что резонно обращает внимание М. Фасмер); связь приводимых П.Я. Черных топонимов *Хоросея* (название реки) и *Хоросино* (название населенного пункта) с *Хорсом* совсем не очевидна: первый, вероятно, имеет тот же корень, что и территориально близкие к нему гидронимы *Хорол* (др.-русск. *Хърль*), *Похорь* (совр. *Хопер*), а также *Пахра*, *Хоропуть* и др., восходящий к и.-е. **ser-* ‘быстро двигаться, мчаться’³, а в основе второго лежит народно-разговорная форма имени *Фурс*, ср. аналогично ст.-укр. *Форос*, ст.-блр. *Форс*, в фонетическом отношении – ст.-блр. *Федор* : *Ходор*, *Филимон* : *Хилимон*, *Фома* : *Хома*, *Флор* : *Хлор*⁴ и многие другие подобные

¹ И.И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка*, т. III, ст. 1388, Москва 1989; О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 8, Москва 1974, с. 80.

² См. М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. IV, Санкт-Петербург 1996, с. 267; П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. II, Москва 1993, с. 352-353.

³ Подробнее об этих гидронимах см. М.А. Ююкин, *Несколько этимологических заметок (Алатырь, Ветлуза, Вохна, Коротояк, Себеж, Хопер)*, „Onomastica”, ЛП (2007), с. 85-87.

⁴ П. Чучка, *Прізвища закарпатських українців. Историко-етимологічний словник*, Львів 2005, с. 579; М.В. Бірыла, *Беларуская антрапанімя*, Мінск 1966, с. 268, 14.

примеры в разных славянских языках. Неубедительны в семантическом отношении этимологии из *хоронен*, *хоронить* (Э. Бернекер, В. (И. В.) Ягич, А. Брюкнер), от и.-е. **kher-* ‘скрести, тереть’ (Г.А. Ильинский), в связи с русск. *короста* (В.П. Гудков), в фонетическом – от вост.-осет. *horz* ‘хороший’, зап.-осет. *xvarz* ‘то же’ (С. Леви, В.И. Абаев и др.).

Ж.Ж. Варбот⁵ считает, что *хороший* образовано от того же корня, который, по ее мнению, представлен в редуцированном виде в русск. *хорохориться*, также диал. *хорхора* ‘шерстоперая растрепанная курица’, *хорхор* ‘борового кулика, вальдшнепа’, *хорхоры*, *хорохорки* ‘тряпье, ветошь, рваная одежда; бахрома, подвески’ (Даль), и восходит, в конечном счете, к и.-е. *(s)*ker-* ‘резать’ (хотя не менее вероятна и интерпретация *хорохориться* как звукоподражательного образования), с помощью суффикса *-ои-*. Эта этимология сомнительна по многим соображениям. Слова *хороший* и *хорохориться* не соотносимы друг с другом по своей семантической структуре. О том, что в основе семантики прсл. **horxoriti se* лежит значение ‘быть неровным, приподнятым, стоять торчком’ (следовательно, оно восходит к и.-е. *(s)*ker-* ‘вертеть, гнуть’⁶), не имеющее ничего общего с ‘красивый’, ясно свидетельствуют такие примеры, как с.-хорв. диал. (чак.) *χοχōrō* (на *χοχōrō*) ‘в сборку, торчком, приподнято’, болг. диал. *храхор* ‘неровное место’⁷, русск. диал. (вят.) *хохроватый* ‘негладкий, неровный’. О близости исходного значения к значению чакавского примера пишет Н.И. Толстой, однако он считает, что оно было связано с одеждой и развивалось в направлении ‘гордиться нося тряпье, будучи в тряпье, ветоши’ > ‘гордиться без основания’ > просто ‘гордиться’⁸, что не представляется убедительным: нельзя не заметить, что значение ‘неровный’ является единственным общим для южно- и восточнославянских примеров, а это дает основание считать его максимально близким к исконному. Русские диалектные значения ‘растрепанная курица’ и ‘тряпье, ветошь, рваная одежда’ (с которыми тесно соотносится указываемое Н.И. Толстым болг. диал. *хорхор* *им прави* (в источнике без перевода), для которого наиболее вероятно значение ‘бьет, задает трепку, треплет в клочья’), равно как и ‘задираться, ершиться, важничать’, присущее разговорно-просторечному стилю литературного языка, можно легко понять как развитие этого исконного значения (в случае с последним – через стадию метафорического переноса), но они нисколько не соотносятся с идеей красоты. Блр. *харахорыцца* ‘охорашиваться’ не является, вопреки автору, аргументом в пользу генетической связи *хорохориться* и *хороший*: единичность значения этого слова указывает на его позднее возникновение, вероятно, в результате вторичного сближения

⁵ Ж.Ж. Варбот, *Хорохориться и хороший*, „Русская речь” 1980, № 1, с. 138-141.

⁶ См. J. Pokorný, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern. München 1959-1989, Bd. III, S. 935-938.

⁷ О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический...*, вып. 8, с. 73.

⁸ Н.И. Толстой, *Из географии славянских слов 4. Хорохориться*, [в:] Н.И. Толстой, *Избранные труды*, т. I: *Славянская лексикология и семасиология*, Москва 1997, с. 152-155.

с *хороший* на основе звукового сходства, как и в случае с укр. *хорохонька* и *хорошка* ‘*Cucurbita Pepo*, тыква обыкновенная’⁹ (основа *хорохон-* – диалектный вариант *хорохор-*, ср. блр. *хорохоницьца* – то же, что *хорохорицьца*¹⁰); характерной особенностью цветка тыквы являются прямостоящие зубцы его венчика. И на уровне индоевропейской семасиологической реконструкции значение ‘красивый’ затруднительно вывести из значения ‘резать’: по данным словаря Ю. Покорного, из чрезвычайно многочисленных рефлексов этого корня в индоевропейских языках ни один не развил значение, близкое к тому, которое приписывает ему Ж.Ж. Варбот¹¹. Наконец, суффикс *-ош-* в русском языке не характерен для образования прилагательных (показательно, что в качестве параллелей автор приводит лишь существительные *пустошь* и *юноша*). В последние годы новая версия этой этимологии была представлена Ж. Колевой-Златевой, которая видит здесь неполную редупликацию этого корня¹².

О.Н. Трубачев относит *хороший* („как раннее обратное производное?”) к реконструируемой им праформе **хороѣшьь(ь)*, представленной, помимо рассматриваемого нами слова, лишь гидронимом *Хорошно*, название озера в бывшей Новгородской губернии, и считающейся производным с суффиксом *-ьп-* от **хорость?*: русск. диал. *хорость* ‘удобство, красота, приятность’, *хорости* мн. ‘красота, краса, пригожесть, прелесть’, блр. диал. *хороство* ‘красота, великолепиие, прелесть’¹³. Эта реконструкция, однако, вызывает недоумение, так как ни одно из слов, приводимых в этой словарной статье, не соответствует указанной праформе: **хорост-* + *-ьп-* дало бы **Хоростьн-*, ср. др.-русск. (*Из*) *коростьнь*, а вовсе не **хороѣшьь*.

Следуя логике этой этимологии, в основе топонима *Хорошно* нужно было бы предполагать образование с йотированным вариантом суффикса *-ость*, представленным немногочисленными примерами в различных славянских языках, ср. **rad-ostja*: ст.-слав. *радошта* (в форме твор. п. мн. ч. „радоштами”), с.-хорв. *radošća*, русск. диал. на *радощах*, укр. *радоц*, *радоці*; др.-русск. *жалоци*: „ничить трава жалощами” (*Слово о полку Игореве*), укр. *жалоци*; укр. *любоци*, *староци*; с.-хорв. *miłošta*, слн. диал. *miłošća*, и ряд других¹⁴. Редукция зубного затвора в аналогичной позиции представлена в новгородском топониме *Хвоцно* (писцовые книги 1530-1540-х гг.), позднее *Бол.* и *Мал. Хвошно* у оз.

⁹ Б. Грінченко, *Словарь української мови*, т. IV, Київ 1958, с. 410-411.

¹⁰ И.И. Носович, *Словарь белорусского наречия*, Санкт-Петербург 1870, с. 682.

¹¹ См. J. Pokorný, *Indogermanisches...*, S. 938-947.

¹² Ж. Колева-Златева, *К этимологии русск. хороший*, [в:] Г.Н. Гочев (ред.), *Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI в. Доклады и сообщения*. МАПРЯЛ 2002 – VIII Международный симпозиум, Велико Търново 2002, с. 262-265.

¹³ О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический...*, вып. 8, с. 79, 80.

¹⁴ См. А.М. Селищев, *Старославянский язык*, ч. 2: *Тексты. Словарь. Очерки морфологии*, Москва 1952, с. 73; A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, t. IV: *La formation des noms*, Paris 1974, p. 374; A. Erhart (hl. red.), *Etymologický slovník jazyka staroslověnskeho*, seš. 12, Praha 2004, s. 745.

*Хвошенского*¹⁵, однако хронология этого изменения резко отлична от возможной датировки предполагаемого преобразования основы *хорош-*, которая, как указывалось выше, известна в этой форме уже с XII в. В новгородских берестяных грамотах отмечаются всего три случая употребления *ш* вместо *щ* (*веретиша, череншани, Коушьника*); все они относятся к XIV в.¹⁶. Нет бесспорных данных, которые указывали бы на то, что редукция затвора наблюдалась в русском языке ранее этого века. Это обстоятельство в сочетании с отсутствием надежных следов существования лексемы **xor-ostj-* (украинские фамилии *Хороць, Хороцев, Хороценко*, также *Хороци*, название села близ Бердичева, целесообразнее объединять с польскими топонимами *Choroszcz(a)* (в XVI в. *Хвороща, Фороща*), *Choroszczewo, Choroszczynka* в Белостокском воеводстве, основа которых связывается с др.-польск. *chroszcz, chruszcz* ‘растение погремек, *Rhinanthus Crista Galli* L.’¹⁷ = вост.-слав. *хворост*¹⁸, ср. и фамилии *Хворост, Хворостов, Хворостенко*, а также *Хорост, Хорост, Хоростенко* с полонизированными формами основ) и свидетельств того, что форма *Хорошно* не является первоначальной, равно как и отсутствие редукции затвора в известных словах с суффиксом *-ostj-*, делает этимологию О.Н. Трубачева чисто предположительной, не основанной на фактах. Гораздо вероятнее, что название *Хорошно* не тождественно в этимологическом отношении прил. *хороший*, а само образовано от него с помощью суффикса *-ьн-* (возможно, через антропонимическую стадию). К этой словообразовательной модели относятся многие названия новгородских озер, ср. с теми же фонетическими условиями *Крекино, Пушно*¹⁹ и др. Нельзя исключить и то, что основа лимнонима *Хорошно* тождественна основам вышеупомянутых названий *Хоросея* и *Хоросино*, а его форма отражает северо-западное неразличение *с* и *ш*, ср. эволюцию названия *Щесно > Щешно*²⁰. Проводимое О.Н. Трубачевым возведение слов этой группы к прсл. **харъь*: болг. *харый* ‘испорченный’, словен. *harè* ‘кляча’, чеш. *charý* ‘мрачный, ветхий’, диал. *charý* ‘потрепанный, скверный’, русск. диал. *харо* ‘сильно’ и связанному с ним **xorъь?*: чеш. диал. *chory* ‘темный, черный’, польск. *chory* ‘черный (о муке, хлебе)’²¹ очень сомнительно в семасиологическом отношении; примеров подобного развития значений в индоевропейских языках не отмечено²².

¹⁵ А.М. Андрияшев, *Материалы по исторической географии Новгородской земли*, Москва 1914, с. 31.

¹⁶ См. А.А. Зализняк, *Древненовгородский диалект*, Москва 2004, с. 90, 536, 665; А.В. Арциховский, В.Л. Янин, *Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962-1976 годов*, Москва 1978, с. 110.

¹⁷ К. Rymut (red.), *Nazwy miejscowe Polski*, т. II, Kraków 1997, s. 72.

¹⁸ См. О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический...*, вып. 8, с. 130-131.

¹⁹ *Писцовые книги Новгородской земли*, т. I-V, Москва 1999-2009, т. IV, с. 561, 634-637.

²⁰ *Ibidem*, т. V, с. 167, 184, 187.

²¹ *Ibidem*, с. 21, 83.

²² См. С.Д. Buck, *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*, Chicago; London 1949, pp. 1191-1194. Единственное исключение – соотнесенность первой части

Чисто спекулятивный характер носит интерпретация этого слова М.М. Маковским как композита, якобы состоящего из корней, соответствующих осет. *kuryn* ‘рожать’ и исл. *rögg* ‘(половая) потенция, сила’ (или тому же корню, что и в первой части, но с метатезой)²³.

Семантическая близость прилагательному *хороший* уже упоминавшегося **xorostь*? и русск. диал. *хоровитый* ‘хороший’ (Даль) позволяет допустить, что эти слова являются родственными и объединены общностью корня **xor-*. На наш взгляд, этот корень наиболее целесообразно возводить к широко распространенному и очень плодovитому и.-е. **ker(ə)-* ‘жечь, гореть, отапливать’, представленному во многих языках, в т. ч. на балто-славянской почве²⁴. Семасиологическая обоснованность такого возведения подтверждается присутствием отражающего метатезу варианта корня **ker(ə)-* в основе **krā-s-*, к которой восходит слав. **krasa* ‘гореть’ > ‘огонь, сверкающее пламя’ > ‘красный’ и ‘светлый, ясный, яркий’ > ‘красивый’²⁵, ср. многочисленные

лат. *pulcher* (< **perk-ros* ‘имеющий яркий цвет, разноцветный, пестрый’) с греч. *περκός* ‘темный, иссиня-черный’, однако здесь реализуется сема разноцветности, пестроты (ср. значения ‘пестрый’, ‘красный’, ‘форель’ у его соответствий в других языках), полностью отсутствующая в семантике слав. **хагъь*, **хогъь*.

²³ В.В. Маковский, *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках*, Москва 1996, с. 379. О научном уровне этой этимологии красноречиво говорит и то обстоятельство, что в качестве параллели ко второму объяснению автор приводит слово *глагол*, в котором, как известно, этимологически нет никакой метатезы: прсл. **golgolb*.

²⁴ См. J. Pokorný, *Indogermanisches...*, Bd. I, S. 571-572.

²⁵ Этой этимологии, принимаемой Ю. Покорным, придерживается половина наиболее авторитетных этимологических словарей славянских языков, которые сопоставляют **krasa* со словами, относящимися к гнезду и.-е. **ker(ə)-*, см. F. Miklosich, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien 1886, S. 137; J. Holub, F. Kopečný, *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha 1952, s. 185; F. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. III, Kraków 1952-1982, s. 59-61; P. Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. II, Zagreb 1971-1974, s. 180-181; В. Георгиев (ред.), *Български етимологичен речник*, т. II, София 1971, с. 717; Н. Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, Bd. II (H. 9), Bautzen 1978-1989, s. 664-665; E. Havlová (red.), *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, seš. 6, Praha 1989-, s. 358-359 (допускаются и две другие этимологии, однако эта упоминается первой как наиболее вероятная); W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005, s. 256; M. Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana 2007, s. 572; L. Králik, *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava 2015, s. 297.

Другие этимологии (которых имеется великое множество) не отвечают фонетическому и (или) семантическому критерию, что частично неоднократно отмечалось в литературе. Из них наиболее популярны объяснения от прсл. **kresati* ‘высекать огонь’ (Ф.Ф. Фортунатов, Э. Бернекер, О.Н. Трубачев, А. Глухак, Й. Рейзек) (в происхождении этого слова, однако, первична не связь с огнем, как кажется сторонникам этой этимологии, а обозначение процесса нанесения ударов огнем по камню: из и.-е. **krek-* (-*k-*?) ‘бить, ударять’ (см. J. Pokorný, *Indogermanisches...*, Bd. I, S. 618-619), ст.-слав. *кpaдa* ‘костер’, лит. *krósnis*, лтш. *krāšns* ‘печь’ (Э. Бернекер, А. Брюкнер, Ст. Младенов, Йохансон, П.Я. Черных) (согласно более убедительной с семантической точки зрения этимологии, эти слова родственны русск. *крыть*, *кров*, см. (без упоминания слова *кpaдa*)

примеры семантического развития ‘светлый, ясный, яркий’ > ‘красивый’ в индоевропейских языках²⁶). Таким образом, здесь налицо полное семантическое тождество со старшим значением прилагательного *хороший*. Связь слов *хороший* и *краса* интуитивно почувствовал еще В.И. Даль, предположивший даже, что первое является производным от второго.

Корень **ker(ə)-* в прилагательном *хороший* распространен детерминативом *-s-*, закономерно перешедшим на славянской почве в *x* после *r*; этот расширитель часто используется для распространения данного корня: ср., помимо **krā-s-*, широко засвидетельствованное в балтийских языках **kor-s-* (лит. *kārštas* ‘жаркий, горячий’, *kaŗštis* ‘жара, зной’, лтш. *kaŗsts* ‘жаркий, горячий’, *kaŗset* ‘нагревать, раскалять’ и др.), сюда же ср.-инд. **kr̥ṣaku-*: *kuṣāku-* ‘сжигание; огонь, солнце’ и *kuṣāku-* ‘огонь, солнце’, ср. интенсив **khr̥s-* (арм. *haršem* ‘варю, жгу’)²⁷. Таким образом, основа рассматриваемого слова реконструируется в форме **xor-x-*, точно соответствующей упомянутому **kor-s-*. В чистом виде эта основа (не известная в апеллятивной лексике), вероятно, сохранилась в фамилиях *Хорох*, *Хорохов* (в т. ч. в топонимии)²⁸.

Относительно происхождения начального согласного здесь можно предположить экспрессивную замену *k > x* (вполне мотивированную, ибо „термин „красота” – заведомо экспрессивное слово во всех языках”²⁹), наблюдающуюся и во многих других словах русского и прочих славянских языков, ср. диал. *хоравина*, *хоровина* ‘выделанная шкура’: герм. **harwa-* ‘терпкий’, *холст*: с.-в.-н. *hulst* ‘покрытие’, *хомут*: герм. **hama-*, *хорт* ‘борзая собака’: герм. **hrubian-*, *хобот*: гр. *κωφός* ‘тупой’ и др.³⁰.

Основа **kor-s-* пополняет список балто-восточнославянских изолекс, составленный на основе данных словаря М. Фасмера О.Н. Трубачевым³¹.

E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg; Göttingen 1955, Bd. I, S. 301-302) и **kr̥siti* (также **kr̥s-*) ‘оживать’ (А. Вайан, О.Н. Трубачев (который сближает его с **kresati*), В.В. Мартынов, А.К. Шапошников) (но первичное значение этого слова вовсе не ‘цвет жизни’, а ‘изменять, искажать’, ср. балтийские параллели у Фасмера и др.) (E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I, Heidelberg 1924, S. 607-608; A. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1985, s. 264; М. Фасмер, *Этимологический...*, т. II, с. 367; О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический...*, вып. 12, с. 95-97; В.Ў. Мартынаў (ред.), *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 8, Мінск 1978, с. 113; A. Gluhak, *Hrvatski etimološki rječnik*, Zagreb 1993, s. 344; J. Rejzek, *Český etymologický slovník*, Vozice 2001, s. 310; А.К. Шапошников, *Этимологический словарь современного русского языка*, т. I, Москва 2010, с. 435-436).

²⁶ См. С.Д. Бук, *A dictionary...*, pp. 1191-1194.

²⁷ J. Pokorný, *Indogermanisches...*, Bd. I, S. 572.

²⁸ Сведения получены путем запросов в сети Интернет.

²⁹ О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический...*, вып. 12, с. 95.

³⁰ См. М. Фасмер, *Этимологический...*, т. IV, с. 264; О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический...*, вып. 8, с. 81; George Y. Shevelov, *A Prehistory of Slavic*, Heidelberg 1964, p. 135.

³¹ См. О.Н. Трубачев, *О составе праславянского словаря*, [в:] О.Н. Трубачев, *Труды по этимологии*, т. 1, Москва 2004, с. 272-275.

При дальнейшем развитии к основе **horx-* был присоединен суффикс *-*jb*: **horšb(jb)*³², как и (при тех же фонетических условиях) к основам адъективов **lišb(jb)*: **lixъ (-a, -o)*, **lěšb(jb)*: **lěsъ*, **lošb(jb)*: **loхъ/loxa*³³, а также **godjb(jb)*, **sinjb(jb)*, **svěžb(jb)* и многим другим.

В пользу правильности нашей реконструкции свидетельствуют и украинские диалектные факты типа *хоріш* ‘хороший’ (бойк.); [*хор'ішча*], [*хор'іш:ий*], сравнительная степень к *хороший* ‘хороший, красивый’ (зап.-полесск.)³⁴ (< **horš-ьš-*) в сопоставлении с литературными и другими диалектными формами с сохранением основы *хорош-* в закрытом слоге: *хорош*, *хорошка*, *хорошкуватий*³⁵: непоследовательность в осуществлении перехода *e, o* в *i* во втором слоге полногласного сочетания, предшествующем слогу с утраченным редуцированным (по наиболее убедительной гипотезе А.М. Селищева, вследствие большей краткости этих гласных по сравнению с обычными краткими), является характерной чертой и самым распространенным ограничением в протекании этого фонетического процесса украинского языка³⁶. Остальные исключения касаются в основном слов малоупотребительных и вошедших в украинский язык после завершения этого процесса (в XVIII в.) и почти не затрагивают его основной лексический фонд³⁷. В бойковских говорах отмечены и другие аналогичные случаи: *воріг* наряду с *ворог*, лит. *ворог*; *жоліп* при лит. *жолоб*³⁸. Указанные формы нельзя рассматривать как позднейшие аналогические преобразования: наблюдающееся в тех же говорах отсутствие перехода *o > i* в формах этих слов с открытым слогом (*хоріш*, но род. *хороша*; [*хор'ішча*], [*хор'іш:ий*], но *хороше*, *хороший*, *хорошитись*, *хорошість* и под.³⁹) доказывает фонологическую природу этого изменения.

2. Иранский вклад в восточнославянскую мифонию хорошо известен, прежде всего благодаря трудам Вс. Ф. Миллера, М. Фасмера, Я. Розвадовского, В.И. Абаева, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, Вяч. Вс. Иванова, А.А. Зализняка и др. Как отмечается, „многие имена, особенно религиозные, усваиваются славянами из скифского и других иранских языков Северного

³² Вопреки Ж. Колевой-Златевой, реконструкция **hor-x-ьjb* невозможна, поскольку суффикс *-*ьj-* имел исключительно значение ‘принадлежащий или свойственный кому-л.’ и образовывал прилагательные только от названий живых существ: *божиш*, *вълчиш*, *холопиш* и под., см. Г.А. Хабургаев, *Старославянский язык*, Москва 1974, с. 245; А.А. Зализняк, *Древненовгородский диалект*, Москва 2004, с. 203.

³³ О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический...*, вып. 15, с. 156, 259-260; вып. 16, с. 94.

³⁴ М.И. Онишкевич, *Словник бойківських говірок*, Київ 1984, вып. 2, с. 344; Г. Аркушин, *Словник західнополіських говірок*, Луцьк 2000, вып. 2, с. 232.

³⁵ Б.Д. Грінченко, *Словник...*, т. IV, с. 410-411.

³⁶ См. М.А. Жовтобрюх и др., *Історична грамати́ка української мови*, Київ 1980, с. 92-95.

³⁷ См. Ю. Шевельов, *Історична фонологія української мови*, Харків 2002, с. 771 и сл.

³⁸ М.И. Онишкевич, *Словник...*, вып. 1, с. 144, 254.

³⁹ Б.Д. Грінченко, *Словник...*, с. 410; Г. Аркушин, *Словник...*, с. 232.

Причерноморья»⁴⁰. Иранскими или индоарийскими по происхождению признаются (с неодинаковой степенью единодушия) имена четырех древнерусских богов, упоминаемых в письменных источниках, – *Сварогъ*, *Симарьгель / Семарьгель*⁴¹, *Стрибогъ*, *Хърсь*, а также ряда персонажей низшей мифологии – *Дивъ*, *Рарог (Страх-Рах)*, *Гамаюн* и, возможно, *Віи*⁴². Однако существующие конкретные интерпретации теонима *Хорс* (от авест. *hvarə xšaētəm*, ср.-перс. *xvaršēt*, нов.-перс. *xūršēt* ‘сияющее солнце’ (Вс. Ф. Миллер и вслед за ним многие другие; впервые связь теонима с иранским названием солнца предположил П.И. Прейс), осет. *xorz, xwarz* ‘хороший, добрый’ (П.Г. Бутков, С.П. Обнорский, В.И. Абаев), скиф. ***xora-xšaya* ‘солнце-царь’ (М.А. Васильев)⁴³) не свободны от фонетических затруднений, на что уже не раз обращалось внимание в литературе. Иногда они даже приводят к сомнениям в его иранском происхождении вообще⁴⁴. Все существующие этимологии исходят из формы *Хърсь*, содержащейся в Лаврентьевской летописи. Однако обращает на себя внимание написание „Хорьсь” в древнейшем сохранившемся памятнике древнерусского языка – Остромировом евангелии 1056-57 гг.⁴⁵ Этимологическая правильность этой формы не может быть поставлена под сомнение, так как данный памятник представляет „древний славянский язык почти в ненарушенном древнейшем его строе”⁴⁶. Эта же форма (в род. п.: „Хорьса”) присутствует в Ипатьевской и Новгородской первой младшего извода (Синодальный список) летописях, также отличающихся высокой степенью правильности употребления слабых редуцированных, тогда как в Лаврентьевской летописи нередко встречается как пропуск последних, ср. только в нескольких соседних с упоминанием *Хорса* строках: *смыслены, зло, разно, теремнаго, жраху*, так и ошибочная постановка

⁴⁰ Д.И. Эдельман, *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*, Москва 2002, с. 177.

⁴¹ Этот теоним возводят к имени мифической птицы *Симург*, однако недавно была показана фонетическая невозможность связи между этими названиями и предложена другая этимология имени *Симарьгель / Семарьгель*, также иранская (см. М.А. Ююкин, *Из древнерусской ономастики: Симарьгель / Семарьгель и хинова*, „*Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*” 2015, № 1 (60), с. 21-24).

⁴² См. М. Фасмер, *Этимологический...*, т. I, с. 512; т. III, с. 569-570; т. IV, с. 267 и др.

⁴³ *Донесение г. Прейса Г. Министру Народного Просвещения, из Праги, от 26 декабря 1840 г.*, „Журнал Министерства Народного Просвещения”, ч. XXIX (1841), отд. IV, с. 35 и сл.; М. Фасмер, *Этимологический...*, т. IV, с. 267; В.И. Абаев, *Происхождение древнерусского Хорс и сванского žgəgəg „св. Георгий”*, [в:] В.И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор I*, Москва; Ленинград 1949, с. 595-596 и др.; М.А. Васильев, *Язычество восточных славян накануне крещения Руси*, Москва 1999, с. 63 и сл.

⁴⁴ Из последних публикаций см. С.Л. Borissoff, *Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god Xürsü/Xors*, „*Studia Mythologica Slavica*” 2014, vol. 17, p. 9-36.

⁴⁵ *Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию*, Санкт-Петербург 1899, с. 908.

⁴⁶ И.И. Срезневский, *Древние памятники русского письма и языка*, „Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности” 1863, т. X, с. 23.

редуцированных вместо ударных гласных полного образования: *Свгъньльжи*, *Деръеска* (земля) (оба под 950 г.), на *Гръкы* (под 1043 г.) и др.⁴⁷. Если считать форму *Хоръсь* старшей (для чего хронология и палеографические особенности памятников дают все основания), то в ней реалистичнее всего видеть застывшую форму родительного падежа (ср. авест. *-š*, *-aš* < и.-е. **-es*, *-os*; *-šya* : праиран. **-ah* (*ia*)) иранского слова, обозначающего солнце (праиран. **h(u)uar-* / **h(u)uan-* > **x^v ar-* / **x^v an-* : **hūr-* / **hūn-* (?) из арийск. **s(u)uar-* : **sūr-* / **s(u)uan-* : **sūn-*), в скифо-аланской огласовке, ср. дигор. *xor* и более ранние скифские личные имена *Хорóавос* ‘вестник солнца’ (?), *Хорóзавос* ‘умытый солнцем’, *Хóфраζμοc*, *Хóфраcмоc* (с метатезой) ‘подражающий солнцу, подобный солнцу’: ср. авест. *hvarə* ‘солнце’, род. п. *sūrah* = позднеавест. *hū*, *hūrō* (при более раннем гат. *x^v əng* < и.-е. **suen-s*), др.-инд. *sūvar*, род. п. *sūras* ср. р. ‘солнце, свет, небо’. От основы этой падежной формы образовано осет. *xūr/xor* ‘солнце, перен. счастье’ и родственные ему слова в некоторых других иранских языках⁴⁸. Таким образом, перед нами усеченное сложение или словосочетание (см. ниже о зап.-слав. **rarogъ* и вост.-слав. *Rax*, также представляющих собой усеченные формы индоиранского теонима). Эпические и исторические параллели заставляют думать, что во второй, утраченной части, скорее всего, было слово ‘сын’ (*фырт/фурт*). Главные герои нартского эпоса в космическом плане предстают как дети Солнца⁴⁹, наименования ‘сыновья Солнца’ и особенно ‘дочь Солнца’ (всегда с препозицией определяющего компонента) неоднократно встречаются в его тексте⁵⁰. Мифоним ‘Сын Солнца’ приводится в поэме К.Л. Хетагурова *На кладбище* (1899 г.), в основу которой положено нартское сказание ‘Сослан в стране мертвых’ *Сослан в стране мертвых* (записано в 1927 г.); возможно, это указывает на его наличие в более раннем варианте последнего. Известно также, что такое прозвище (*Хуры фырт*) предки осетин, принявшие ислам, дали Мухаммеду⁵¹. Ближайшая параллель – позднеавест. *hvarə.čithra-* ‘происходящий

⁴⁷ Полное собрание русских летописей, [в:] <http://psrl.csu.ru/toms/> (23.08.2018).

⁴⁸ В.С. Расторгуева (отв. ред.), *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*, Москва 1979, с. 180; Д.И. Эдельман, *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*, Москва 1990, с. 148, 151, 152 и др.; В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, *Этимологический словарь иранских языков*, т. 3, Москва 2000, с. 438; В.И. Абаев, *Скифский язык*, [в:] В.И. Абаев, *Осетинский...*, с. 169, 209; М. Mayrhofer, *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, Heidelberg 1986-2001, Bd. III, К. 793-794; J. Pokorny, *Etymologisches...*, Bd. III, S. 881; В.И. Абаев, *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, т. IV, Москва [Ленинград] 1958-1995, с. 250.

⁴⁹ См. В.И. Абаев, *Нартовский эпос осетин*, [в:] *Нарты. Осетинский героический эпос*, кн. 1, Москва 1989-1990, с. 64 и сл.

⁵⁰ *Нарты...*, кн. 2, с. 377, 113 и др. Не является ли отзвуком этой традиции выражение *Дажьбожь вьнукъ* в *Слове о полку Игореве* (о русском народе)? Показательно, что уже западноиранскому эпосу такие наименования совершенно чужды.

⁵¹ К. Хетагуров, *Собрание сочинений в трех томах*, т. I, Москва 1974, с. 83, 307; *Нарты...*, кн. 3: *Примечания*, с. 39; В.С. Миллер, *Осетинские этюды*, ч. 2, ‘Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический’ 1882, вып. 2, с. 238.

от солнца' (имя собственное сыновей Заратуштры от второго брака), ср. еще *ātarš.čīθra-* 'происходящий от огня', *zamas-čīθra-* 'ведущий свое происхождение от земли' с формами род. п. в первой части⁵².

Контекст употребления теонима *Хорьсь (Хърсь)* в *Слове о полку Игореве* („а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмуророканя, великому Хърсови путь прерыскаше”, т. е. совершал свой путь до восхода солнца) позволяет предположить, что *Хорсом* в нем называется не солнце вообще (ср. „Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже ѣсть Дажьбогъ”, Ипатьевская летопись; синхронное существование двух тождественных по функции божеств маловероятно), а именно *восходящее* солнце или заря (что, кстати, хорошо согласуется с препозицией теонима *Хорьсь* по отношению к *Дажьбогъ* в списке богов). Родственные отношения солнца к заре обычны для мифопоэтической традиции, ср. славянские представления о заре как о сестре солнца⁵³. По тексту нартского эпоса рассеяно множество намеков на особую связь его основных героев с рассветом и восходом солнца: от повторяющегося мотива появления героя в определенном месте одновременно с восходом солнца („В ту далекую страну домчалась в час восхода Бонварнон” [т. е. утренней звезды Венеры. – М. Ю.], „Солнце только всходило, как он добрался до степи Зилахар” и др.) до характерных устойчивых сравнений („А красуешься на коне, как утреннее солнце на вершинах скал и гор”, „Свет утреннего солнца – из ее собственного лица” и др.)⁵⁴.

Еще очевиднее представление о восходящем солнце как о сыне солнца выступает в ингушском варианте нартского эпоса, отразившем более архаичную стадию развития образа. Здесь мы встречаем грозного всадника с сияющим во лбу солнцем, который представляется как Сын Солнца⁵⁵. В описании его коня („От пота, стекавшего с его коня, разливались озера, от пара, бьющего из ноздрей, стлался туман”) нетрудно разглядеть прозрачную мифологическую метафору утренней росы и тумана. В осетинском эпосе этот образ сохранился лишь рудиментарно в виде повторяющегося сравнения всадника с утренним солнцем. Понятие „путь Хорса” позволяет допустить, что именно этот образ имел в виду и автор *Слова*. Сходные образы мы находим и в русских сказках: „Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце”, *Василиса Прекрасная*)⁵⁶, богатыри *Вечорка*, *Зорька* и *Полуночка*; они не характеризуются как сыновья солнца. Теоним же, по-видимому, специфически

⁵² J. Duchesne-Guillemin, *Études de morphologie iranienne. I. Les composés de l’Avesta*, Paris 1936, par. 188, 192, [in:] <https://books.openedition.org/> (26.08.2018).

⁵³ См. А.Н. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу*, т. I, с. [26] и сл., biblio.imli.ru (14.09.2018).

⁵⁴ *Нарты...*, кн. 2, с. 113, 135, 147, 325, 331, 377 и др.

⁵⁵ И.А. Дахильгов, *Ингушский нартский эпос*, Нальчик 2012, с. 136-137.

⁵⁶ *Библиотека русского фольклора*, т. 2: *Сказки*, кн. 1, Москва 1988-2000, с. 319.

скифо-аланский, ср. др.-перс. *(H)uvar-īra ‘энергия солнца’, имя божества солнечного восхода⁵⁷.

Оба скифо-аланских имени в киевском пантеоне 980 г. – *Хорьсь* и *Симарьгель/Семарьгель* – попали в древнерусский язык, видимо, одним путем. Так как ввиду старшего характера формы *Хорьсь* отпадают часто проводимые сопоставления с др.-серб. *Хрьсь* (личное имя), болг. *Хърсово* (топоним), то становится ясно, что *Хорс*, подобно *Семарглу*, – исключительно древнерусский теоним. В его окончании отражено закономерное соответствие слав. *s* : иран. *h* (< и.-е. **s*), как и в имени *Симарьгель*⁵⁸. Датировать заимствование следует временем не позднее периода формирования антской общности в результате славяно-иранского симбиоза в римскую эпоху, если основываться на мнении В.И. Абаева, что некоторые скифские имена в греческих и латинских источниках (*Οδιάρδος* ‘души ard’, *Sangibanus* ‘руки сила’) свидетельствуют об утрате *h* окончанием родительного падежа в скифском уже в III-V вв.⁵⁹ Однако сочетания согласных *δχ* в греческом и *gh* в латинском языке не встречаются ни в одном слове, поэтому корректность этого вывода В.И. Абаева сомнительна.

Устное народное творчество, в частности сказки, также содержит ценный для изучения восточнославянских мифологических иранизмов материал.

Имя птицы *Моговей* (*Маговей*), встречающееся в сказках, записанных на Архангельщине в первой половине XX в.: „летел, летел по чистому полю, увидел на сыром дубу у Маговей-птичи гнездо свито” (и далее), „Царь-чернокнижник” (село Устьцыльм на Печоре; издана в 1908 г.); „Вдруг налетела птица Моговей”, „Иван-солдат” (деревня Лебская на Мезени; издана в 1934 г.)⁶⁰, соотносится с авест. гат. *magavan-*, прил. ‘относящийся к религиозному сообществу зороастрийцев’, др.-перс. *magav-* (: позднеавест. *magu-*), прил., обозначающее мидийское племя, за представителями которого было закреплен жреческий сан, ‘магический, маг’, **Magava-*, **Magav-uka-*, личные имена, др.-инд. *maghāvan(t)-* 1) прил. ‘щедрый’, 2) сущ. м. р. ‘податель, жертвовател; эпитет Индры’, пали *maghavā*, одно из имен Сакки⁶¹.

В словообразовательном отношении *Моговей* / *Маговей* аналогично другому восточнославянскому мифониму, имеющему отношение к птичьей теме, – *Соловей(-Разбойник)*.

⁵⁷ J. Tavernier, *Iranica in the Achaemenid period (ca. 550-330 B. C.)*, Leuven; Paris; Dudley 2007, p. 98.

⁵⁸ См. М.А. Ююкин, *Из древнерусской...*

⁵⁹ См. В.И. Абаев, *Скифский...*, с. 218.

⁶⁰ *Северные сказки. Сборник Н.Е. Онуцкова*, Санкт-Петербург 1908, с. 6; *Библиотека...*, т. 2: *Сказки*, кн. 2, с. 142.

⁶¹ В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, *Этимологический...*, т. 5, с. 120 и сл.; Ch. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg 1904, K. 1111; M. Mayrhofer, *Etymologisches...*, Bd. I, K. 289; M. Mayrhofer, *Onomastica persepolitana*, Wien 1973, S. 186; J. Tavernier, *Iranica...*, p. 236; G.R. Malalasekera, *Dictionary of Pāli proper names*, vol. II, London 1937-1938, p. 406.

Такое происхождение имени *Моговей* кажется еще более вероятным в сопоставлении с названием другой мифической птицы, текст с упоминанием которой записан также на Мезени, – *Вострогот* (*Вострогор*) в местном варианте „Голубиной книги”⁶²: „Вострогот птица вострепещется, а Фаор-от гора вся да восколыблется”, „Вострогор-от птица да всем птицам птица”⁶³; оно соответствует позднеавест. *a-srāvayaT.gāθā*, ср.-перс. *asrūt gāsān* ‘не поющий Гаты’⁶⁴. Скорее всего, на славянскую почву это слово попало в уже стяженном и сокращенном виде, близком в первой части к пехлевийской форме, поскольку „весьма распространенным явлением в процессе фонетической эволюции исследуемых нами языков [персидского, таджикского и дари] было... выпадение отдельных звуков и целых слогов внутри слова, что вело к его внутреннему стяжению и сокращению”⁶⁵. Утрата *v* и *j* в интервокальной позиции с последующими процессами ассимиляции и стяжения закономерна и для севернорусских говоров⁶⁶, ср. в том же тексте *Фаор-гора* < *Фавор*. Исчезновение слабого *T*⁶⁷ на иноязычной почве также вполне объяснимо. Начальное *a-sr-* было сближено по народной этимологии с (*в*)*острый* (не следует забывать, что и в последнем *t*, как известно, носит эпентетический характер); формы этого прилагательного с *в-* протетическим отмечены во многих говорах Русского Севера, в т. ч. и в мезенском⁶⁸. Определенную роль в данном сближении могла сыграть аналогия с др.-русск. *острогатъ* ‘суковатый, узловатый’, *острогатый* ‘покрытый шипами’ (1282 г.)⁶⁹. О степени влияния народной этимологии на

⁶² В других вариантах ее место занимают Страфиль, Феникс и др.

⁶³ Ф.П. Филин (ред.), *Словарь русских народных говоров*, вып. 5, Ленинград 1965, с. 149.

⁶⁴ Ch. Bartholomae, *Altiranisches...*, К. 221-222. В.Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов объясняют этот мифоним из авестийского теонима *Vərəθraϋna* (В.Н. Топоров, *Русск. Святогор: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов)*, [в:] В.Н. Топоров, *Исследования по этимологии и семантике*, т. 3, кн. 2, Москва 2004-2010, с. 242-243; Вяч. Вс. Иванов, *Иранское влияние в гибридных образах огня славянского мифологического фольклора*, [в:] Н.В. Злыднева (отв. ред.), *Гибридные формы в славянских культурах*, Москва 2014, с. 55), однако фонетическая закономерность предполагаемого изменения **Vortrog-* > **Vostrog-* представляется проблематичной, ср., например, укр. *Товтри*, *Толтри* ‘Татры’ < **Tьtr-* (М. Фасмер, *Этимологический...*, т. IV, с. 27), а отнюдь не **Тостри*. В данном случае следовало бы ожидать скорее полногласное развитие **Воротрог-*, т. е. форму, весьма далекую от *Вострогот*. Кроме того, эта этимология не объясняет появление конечного *-от*. Сходство мифонима с лат. *Ostrogothi*, *Austrogothi* ‘остготы’, видимо, случайно, так как последнее в русском языке позднего книжного происхождения (в отличие от др.-русск. *гъте*).

⁶⁵ В.С. Расторгуева (отв. ред.), *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*, Москва 1982, с. 91-92.

⁶⁶ См. К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, *Диалектное членение русского языка*, Москва 1970, с. 74.

⁶⁷ Об этом звуке см. С.П. Виноградова, *Авесты язык*, [в:] В.С. Расторгуева (отв. ред.), *Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки*, Москва 1999, с. 13.

⁶⁸ См. А.К. Матвеев (ред.), *Словарь говоров Русского Севера*, т. II: *В*, Екатеринбург 2002, с. 190.

⁶⁹ М. Фасмер, *Этимологический...*, т. III, с. 166; С.Г. Бархударов (ред.), *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, вып. 13, Москва 1975, с. 160.

фонетический облик этого названия можно судить уже по варианту *Вострогор* с явно переосмысленной второй частью. Относительно *o* в конечном слоге ср. олонец. *gódatъ* ‘гадать’ (слово, родственное авест. *gāθā*) в свете следующего замечания В.И. Даля: „Губ. Архангельская. Говор очень схож с олонецким”; в архангельских говорах отмечено, например, *готаться* ‘сохраняться, не переводиться’ (вероятно, к **gatiti*, ср. особенно близкие значения слвц. *hatii* ‘задерживать, препятствовать’, укр. *gamiti* ‘накладывать в большом количестве’), *гойконуть*: *гайконуть* ‘закричать’, *гогара*: *гагара* (и многочисленные производные)⁷⁰. Со словами и формами, засвидетельствованными в говорах онежской группы, соотносятся и имена двух других персонажей архангельских сказок: *Моголь-птица* (в песнях также *Моголь*): (олонец.) *могуль* ‘птица страус’ (1864 г.), *Орон Верный*: *ворон*, ср. белозер. *орона* ‘ворона’ (1896 г.) (просьба превращенного в камень *Орона* помазать ему рот кровью ребенка перекликается с поверьями о вороне, связанными с кровавым цветом краев его клюва)⁷¹.

И.-е. **k'léyes-*, к которому восходит первая часть этого сложения, засвидетельствовано в мифонимии: др.-инд. *Suśrávas* ‘знаменитый’, персонаж „Ригведы”; галл. *rokloisiabo* (dat. pl.)⁷². Основе *a-srāva-* точно соответствует др.-греч. *ἀ-κλειής* и *ἀκλειής* ‘не стяжавший славы, т. е. безвестный, неведомый, забытый; бесславный, позорный’⁷³, наиболее раннее употребление которого во фразе, очень напоминающей магическую формулу проклятия, может свидетельствовать об индоевропейских корнях его негативной сакральной семантики: „ἀλλ' ὅμεις μὲν πάντες ὕδωρ καὶ γαῖα γένοισθε, ἦμενοι αὐθι ἕκαστοι ἀκήριοι, ἀκλειές αὐτῶς.” (*Илиада*, VII: 99-100) ‘но погибните все вы, рассыпьтесь водою и прахом, вы, сидящие здесь, как народ без души и без чести!’ (перевод Н.И. Гнедича).

Имена *Моговей* и *Вострогот* не просто происходят из одной языковой среды, но и, в соответствии с характерным для зороастризма дуалистическим мышлением, очевидным образом соотносятся друг с другом семантически как члены антонимической пары, противопоставленные по признаку ‘посвященный – не посвященный (в зороастрийское учение)’ (возможные варианты: ‘допущенный – не допущенный к совершению жертвоприношения’, ‘обладающий – не обладающий жреческим саном’). Подобная соотношенность исключает возможность случайного сходства.

Чтобы смысл этого противопоставления был более понятен, необходимо привести факты, показывающие, какое значение в зороастризме придавалось

⁷⁰ Ф.П. Филин (ред.), *Словарь...*, вып. 6, с. 267; О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический...*, вып. 6, с. 78, 105-106; В.И. Даль, *О наречиях русского языка*, [в:] В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. II, Москва 2002, с. 1047; О.Г. Гецова (ред.), *Архангельский областной словарь*, вып. 9, Москва 1996, с. 184 и сл., 217, 397.

⁷¹ Ф.П. Филин (ред.), *Словарь...*, вып. 18, с. 193; вып. 23, с. 345; относительно этих поверий см. Н.Ф. Сумцов, *Ворон в народной словесности*, Москва 1890, с. 22.

⁷² М. Mauryhofer, *Etymologisches...*, Bd. III, К. 667-668.

⁷³ И.Х. Дворецкий, *Древнегреческо-русский словарь*, т. I, Москва 1958, с. 64.

устному исполнению Гат. Пением Гат зороастрийские жрецы сопровождали церемонию жертвоприношения, ср. следующее сообщение Геродота: „Тогда подходит маг с песнопением” (I, 132) и комментарий к этому месту Г.А. Стратановского: „При жертвоприношении маг пел гату (песнь из *Авесты*)”. Тем, кто верит, но не поет Гаты, *Авеста* запрещает (наряду с физически и морально ущербными людьми, а также с женщинами) совершать жертвоприношение и прямо противопоставляет их по этому признаку жрецам (Яшт 5.92, 8.59). М. Моле, анализируя древнеиранский ритуал, пришел в выводу, что Гаты представляют собой литургические тексты (а не проповеди, как их иногда понимают), сопровождавшие ритуальные действия при совершении церемонии ясна.

В позднепехлевийских и персидских текстах антонимичное по отношению к основе имени *Вострогот* определение используется как одна из характеристик жреца (т.е. выражает то же значение, что и основа *magav(an)-*): *Rāst-avestā* ‘тот, кто правильно декламирует *Авесту*’; его ведийская параллель еще более близко соотносится с рассматриваемым сложением: *ṛju-gātha* ‘правильно поющий (песнь)’ (обращение к Сурье (?) в *Ригведе*). В пехлевийском трактате *Бундахшин (Сотворение основы)*, который В.Н. Топоров считает вероятным источником *Голубиной книги*, произнесение текстов *Авесты* приписывается сразу двум мифическим птицам, что непосредственно выводит нас на признак, лежащий в основе названия птицы *Вострогот*: „О (птице) Каршипт говорят, что она может произносить слова, и она принесла воду в то убежище, которое построил Йима, распространила (ее), и там произносят *Авесту* на языке птиц” (ср. Видевдат 2.42), „О птице Ашозишт (?), которая (является) птицей Зобар-вахман (?), а также птицей Шок (?), он говорит, что она передала *Авесту* на (своем) языке”⁷⁴.

Этому противопоставлению (которое, в соответствии с древнейшим засвидетельствованным значением *magavan-*, также легко может быть истолковано как оппозиция „свой (иранский, принадлежащий к зороастрийскому сообществу)” – „чужой (иноземный, иноверческий)”, а следовательно, „хороший (дружественный)” – „дурной (опасный, враждебный)”), соответствует характеристика рассматриваемых персонажей в текстах: птица *Моговей* выступает как союзник и помощник героя, тогда как колеблющий гору Фавор (т.е. святое в христианской религии место) *Вострогот* ассоциируется скорее с разрушительным, демоническим началом (ср. почти тождественные описания воздействия, производимого на природу ревом явно демонического Скимена-зверя („лютый

⁷⁴ Геродот, *История*, Ленинград 1972, с. 54, 506; *Авеста в русских переводах*, Санкт-Петербург 1997, с. 191, 266; M. Molé, *Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien*, Paris 1963, p. 148-267; J.J. Modi, *The religious ceremonies and customs of the Parsees*, Bombay 1937, p. 210-211; H. Grassmann, *Wörterbuch zum Rig-Veda*, Leipzig 1873, K. 279; В.Н. Топоров, *Еще раз об и.-е. *budh- (*bheudh-)*, [в:] В.Н. Топоров, *Исследования...*, т. 2, кн. 1, с. 225-226; *Зороастрийские тексты*, Москва 1997, с. 292.

Скимен”, „вор-собака”), напуганного рождением богатыря, и сотрясения при рождении Волха Всеславьевича Индейского царства, которое тот впоследствии разорит и завоюет, в былинах⁷⁵).

Это не единственная мифологическая оппозиция иранского происхождения, реконструируемая в славянских языках: О.Н. Трубачев отмечает соотношенность польск. *roczwara* ‘чудовище, злой дух, привидение, кошмар’ и *raróg* ‘хищная птица, сокол, сарыч’ (из иран. **vṛθra*-/*(*pati*)-*vāra*- (скифо-сармат. **pacvara*/**facvara*) : **Vṛθragna*-/**vāragna*-) как пары конкретных воплощений примитивного злого и доброго начал, однако рассматриваемые они принципиально отличаются от этих и других мифологических иранизмов в славянских языках тем, что, как было показано, отражают зороастрийские религиозно-культурные представления и восходят, в конечном счете, к тексту *Авесты*; следовательно, они не могут иметь скифо-сарматское происхождение, поскольку скифы, как доказано В.И. Абаевым и др., зороастризму были чужды⁷⁶. Думается, вопрос об их заимствовании надо решать в увязке с фактом наличия следов иранского влияния, также соотносящихся с текстами *Авесты*, в языках и мифологии соседних со словенами новгородскими (потомки которых заселили бассейн Мезени) финно-угорских народов Волжско-Камского региона: *Мир-суснэ-хум*, один из главных богов обско-угорского пантеона, сын Нуми-Торума, чье имя, означающее ‘смотрящий за миром человек’, соответствует одному из эпитетов Митры – ‘озирающий всю землю’ (Яшт X 4, 13); небесный *Карс*, название мифической птицы, ср. упомянутый выше мифоним *Каршунт*; морд. э. *азор*, м. *азоро* ‘хозяин’ < авест. **ahura*- ‘господин, могущественный предводитель’, позднее сближенное с омонимичным ему **ahura*- ‘бог, господь’, и др.⁷⁷. При этом у восточных славян другие надежные примеры заимствования специфически авестийской религиозной лексики не отмечены. Сопоставление этих фактов заставляет думать, что мифонимы *Моговей* и *Вострогот* появились у словен после их переселения в Поильменье (в середине I тыс. н. э.⁷⁸) и ранних этапов освоения смежных с ним территорий из того же источника, что и упомянутые авестизмы в финно-угорских мифологиях и языках Волго-Камского региона. Ср. в этой связи данные этнографии: „сходство мезенских игрушечных коней

⁷⁵ См. Библиотека русского фольклора, т. I: *Былины*, Москва 1988, с. 28, 29.

⁷⁶ О.Н. Трубачев, *Из славяно-иранских лексических отношений*, [в:] О.Н. Трубачев, *Труды...*, т. 2, с. 89-92, 100. Вторая этимология принадлежит В. Махеку.

⁷⁷ См. В.Н. Топоров, *К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии*, [в:] *Финно-угорские народы и Восток*, Тарту 1975, с. 72-76; Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский, *От Скифии до Индии*, Москва 1983, с. 129 и сл.; В.И. Лыткин, Л.Е. Майтинская, К. Редди (отв. ред.), *Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки*, Москва 1975, с. 340; В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, *Этимологический...*, т. 1, с. 101-102; V. Blažek, *Indo-Iranian elements in Fenno-Ugric mythological lexicon*, „Indogermanische Forschungen”, 110 (2005), p. 162-185 и др.

⁷⁸ См. В.В. Седов, *Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование*, Москва 1999, с. 165.

и коней из верхневолжских районов можно объяснить древними историческими связями Мезени с районами Волго-Камья”⁷⁹. Заимствование датируется праславянской эпохой, о чем свидетельствует последовательное отражение в обоих мифонимах перехода $\dot{y} > o$ (форма *Маговей* в одном из упоминаний, видимо, под влиянием слов *маг, магия*). Эта и другие праславянские фонетические особенности присущи также ряду древнерусских онимических заимствований из финно-угорских языков этого региона (*вьяда, мордъва, черемиси*)⁸⁰.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Анатольевич Ююкин – кандидат филологических наук, независимый исследователь.

Основные публикации: *Очерки ономастики Древней Руси: сборник статей*, Москва: ФЛИНТА 2016, 138 с.; *Этимологический словарь летописных географических названий северной и восточной Руси*, Москва: ФЛИНТА 2015, 387 с.; *К вопросу о содержательной классификации славянской ойконимии*, „Jazykovedný časopis” 2018, № 2 (69), с. 187-198; *Летописная ойконимия как источник реконструкции лексики древнерусского языка*, „Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej” 2018, t. 53, с. 103-114; *Некоторые топонимы славянского происхождения в Афонских актах*, „Балканско езиковзнание/Linguistique balkanique” 2019, № 1, с. 5-18.

ORCID: 0000-0002-2092-2112

E-mail: yuyukin@bk.ru

⁷⁹ С.И. Дмитриева, *Народное искусство русских Мезени (в связи с этнической историей края)*, „Советская этнография” 1983, № 5, с. 27-28.

⁸⁰ О последних см. М.А. Ююкин, *Этимологические заметки по древнерусской ономастике XI-XVII вв.*, „Europa Orientalis – Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'Est europeo” 2015, vol. 34, p. 307-311.